

**МНИМАЯ ЗАГАДКА ПРИЧИН РАССТРЕЛА
ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ В КАТЫНИ В МАРТЕ 1940 Г.¹***И. И. Калиганов*

Взяться за данную тему меня побудила телепередача о Катынской трагедии с участием таких известных личностей, как академик А. О. Чубарьян, кинорежиссёр Н. С. Михалков, политолог В. М. Третьяков и др. В ходе протекавшей между ними беседы прозвучал вопрос Н. С. Михалкова о мотивах расстрела польских офицеров — вопрос, оставшийся без ответа. Действительно, зачем нужно было уничтожать польский командный состав как раз накануне войны с немцами? Разумно ли выглядит это, если всего немногим более года после катынской трагедии в СССР из польских военнопленных начали создавать целые дивизии для борьбы с гитлеровскими захватчиками? Зачем нужно было совершать подобное злодеяние при полном отсутствии видимых разумных причин? По словам собеседников передачи, в этом кроется некая загадка... Но ничего загадочного, на наш взгляд, здесь не было. Всё становится сразу ясным, если погрузиться ненадолго в события тех лет и политическую атмосферу того времени, если проанализировать идеологию тоталитарного большевистского государства 20 – середины 50-х годов XX в.

Тема Катыни для меня не новая: в читаемый мной студентам Государственной академии славянской культуры (ГАСК) курс лекций «Введение в славяноведение» входит раздел «Болевые точки взаимоотношений между славянами», в котором катыньскому расстрелу польских офицеров отводится обязательное место. И сами наши студенты, побывавшие в Польше, как правило, расспрашивают о Катыни, желая узнать дополнительные подробности. Но большинству россиян о катынской трагедии почти ничего не известно. Поэтому здесь прежде всего следует привести краткую историческую справку о том, как оказались в Катыни польские офицеры, сколько их было там расстреляно и когда было совершено названное вопиющее преступление. К сожалению, наши газеты, журналы и телевидение часто сообщают поверхностную, весьма противоречивую информацию, и у людей нередко возникает ошибочное представление, что пленные польские офицеры сидели в Катыньском лагере и были казнены по причине приближения немецких войск, причём общее число казнённых польских офицеров составило 10 или даже 20 тыс. человек. До сих пор раздаются отдельные голоса, что виновники гибели польских военнослужащих окончательно не установлены и что ими могли быть гитлеровцы, которые попытались затем свалить на СССР вину за собственное злодеяние. Именно поэтому попытаемся здесь изложить материалы последовательно, не нарушая очерёдности событий и оперируя, по возможности, точными фактами и цифрами, вникая не только в суть их самих, но и в тот эмоциональный, государственный и общечеловеческий смысл, который они несут.

После пресловутого пакта Молотова-Риббентропа и начала Второй мировой войны, развязанной 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу, немецкие войска, сломив за две недели (точнее, за 17 дней) героическое сопротивление противника, заняли большую часть исконных польских земель, принудив затем поляков к капитуляции. СССР не пришёл на помощь Польше: его предложение польской стороне заключить договор о сотрудничестве в преддверии Второй мировой войны было отклонено. Польша участвовала в переговорах с Гитлером по заключению договора, направленного против СССР, ранее она заявила, что не допустит транзит советских войск через свою территорию для оказания возможной помощи потенциальным советским союзникам в Европе. Это отчасти способствовало Мюнхенскому сговору 1938 г., последующему расчленению Чехословакии, поглощению чешских земель Германией и территориальным приобретениям самой Польши. События такого рода явно не способствовали добрососедским отношениям между Польшей и СССР, формировали у русских чувство неприязни или даже враждебности к полякам. Это чувство подпитывали и ещё не стёршиеся в памяти воспоминания о недавней советско-польской войне 1918–1921 гг., окружении Красной армии под Варшавой, пленении 130 тыс. красноармейцев, помещённых затем в страшные лагеря Пулавы, Домбю, Щелково и Тухоли, из которых домой вернулось лишь немногим более половины заключённых².

В советской пропаганде Польша фигурировала с устойчивыми эпитетами «буржуазная» или «панская». Последнее слово было на слуху практически у каждого русского: все знали и распевали патриотическую песню со строчками «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки». В песне «паны» ставились в один ряд с псами-атаманами, а слово «псы» в России прочно пристало к немецким рыцарям Тевтонского ордена, упорно рвавшимся в XIII – начале XV вв. на славянский восток (устойчивое выражение «псы-рыцари»). Точно так же и слово «пан» в русском языке не имеет, как у поляков, безобидного уважительно-нейтрального значения «господин». Оно приобрело дополнительные, главным образом, негативные оттенки, которые приписываются тем, кого так фактически не называют, а обзывают. «Пан» — это особа специфической закваски, обладающая целым набором отрицательных качеств: надменная, своенравная, спесивая, избалованная, изнеженная и т.д. И уж, конечно, это особа совсем не бедная (трудно представить себе пана в дырявых портках), т. е. это особа богатая, буржуазная, далёкая от «худого, горбастого» рабочего класса — собирательного образа из поэзии В. Маяковского. Таким образом, в сознании советского человека 20 – 40-х годов XX в. выстраивалось нелестное для поляков оценочное клише: Польша панская, буржуазная, враждебная и агрессивная, как псы-атаманы и немецкие псы-рыцари.

В агрессивности Польши в тогдашнем СССР никто не сомневался. Ведь всего около двадцати лет назад, воспользовавшись распадом Австро-Венгерской империи и смутой, наступившей в России после большевистского переворота 1917 г., поляки не просто возродили свою государственность — они ринулись затем на восток в Украину и Белоруссию, пытаясь восстановить несправедливые границы польского государства 1772 г. Это вызвало, как известно, советско-польскую войну

1918–1921 гг., в течение которой поляки захватили значительную часть Белоруссии и правобережной Украины вместе с Киевом, но затем были отброшены Красной армией, гнавшей интервентов до самой Варшавы. Однако, по Рижскому договору 1921 г., Западная Украина и Западная Белоруссия остались за Польшей, что воспринималось жившими в СССР украинцами, белорусами и самими русскими как историческая несправедливость. Разделение народов искусственными политическими границами всегда воспринимается как дело несправедное и алогичное, как некая историческая несправедность, подлежащая устранению при первой возможности. Так думали украинцы и белорусы, так думали и русские люди, испытывавшие чувство классовой солидарности и абсолютно уверенные в том, что польские буржуазные «паны» угнетают несчастную украинскую и белорусскую бедноту. Поэтому в 3 часа ночи с 16 на 17 сентября 1939 г., после того как немцы почти полностью выполнили в Польше свою задачу, свой ход сделал СССР, начав вводить свои войска на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, вступив и на собственно польскую землю. С советской стороны в общей сложности были задействованы 600 тыс. человек, около 4 тыс. танков, 2 тыс. самолётов и 5 500 орудий.

Польская армия оказала красноармейцам вооружённое сопротивление: бои происходили в Гродно, около Львова, Люблина, Вильно, Сарны и других населённых пунктов³. Причём захваченные в плен польские офицеры расстреливались. Такое произошло в Августовце, Боярах, Малых и Больших Бжостовицах, Хородове, Добровицах, Гайях, Грабове, Комарове, Львове, Молодечно, Свислочи, Злочове и иных местностях. Через 13 часов после начала процесса введения советских войск (т. е. в 16:00 часов 17 сентября) главнокомандующий польских вооружённых сил, маршал Эдвард Рыдз-Смиглы выступил с общей директивой, призывавшей не оказывать сопротивление наступающим частям Красной Армии⁴. Некоторые польские подразделения, однако, не подчинились директиве и продолжали сражаться вплоть до 1 октября включительно. Всего, согласно выступлению В. М. Молотова 31 октября 1939 г., с польской стороны погибло 3,5 тыс. военных, ранено или пропало без вести около 20 тыс. человек. Советские потери составили 737 убитых и 1 862 раненых⁵. В некоторых местах украинцы и белорусы встречали красноармейцев цветами: часть одурманенных советской пропагандой людей надеялась на новую лучшую жизнь.

В Западной Украине и Западной Белоруссии к 21 сентября Советская армия пленила около 120 тыс. солдат и офицеров Войска Польского. В Литву пробились около 18 тыс. человек, в Румынию и Венгрию — свыше 70 тыс. Часть пленённых состояла из польских военнослужащих, отступивших из Польши под стремительным натиском немцев сюда, в восточные земли своего тогдашнего государства. Согласно польским источникам, в русский плен попали 240–250 тыс. солдат и офицеров Войска Польского⁶. Некоторые расхождения при оценке численности польских военнопленных возникают в результате применения различных методик подсчёта и того обстоятельства, что в дальнейшем, ещё до начала Великой Отечественной войны, Германия и СССР обменялись частью польских военных и гражданских лиц, которые в результате боевых действий оказались вдали от места своего постоянного

проживания. Советская сторона успела передать Германии около 42,5 тыс. поляков, а Германия в ответ в три раза меньше: около 14 тыс. человек.

Естественно, что оставлять в своей приграничной зоне, которой фактически оказались для СССР Западная Украина и Западная Белоруссия, внушительное количество иностранных военнопленных, было бы опрометчиво с точки зрения национальной безопасности. Поэтому советские власти предприняли то, что совершило бы любое государство в такой ситуации: рассредоточение массы военнопленных посредством их интернирования в различные районы страны. При этом часть пленных поляков была отпущена после допросов сотрудниками НКВД на родину, а представители высшего, среднего и низшего командного состава Польской Армии были отправлены в различные лагеря для военнопленных. То же самое произошло и с офицерами, начальниками и служащими польской полиции, сотрудниками разведки, начальниками и охранниками тюрем и некоторыми другими должностными лицами.

Перемещение польских высших, старших и младших офицеров из приграничных областей в другие районы СССР осуществлялось с 3 октября 1939 г. по январь 1940 г.⁷ Самым элитным был лагерь для военнопленных в Козельске, находившийся в 250 км юго-восточнее Смоленска и относившийся к ведомству Смоленского областного НКВД. Здесь было размещено около 4,7 тыс. поляков, среди которых было много высших офицерских чинов и мобилизованных офицеров запаса, имевших в гражданской жизни сугубо гуманитарные профессии врачей, учителей, инженеров, писателей. Отношение к военнопленным в этом лагере было довольно сносным: генералы и полковники (4 генерала, 1 адмирал и 24–26 полковников)⁸ размещались по несколько человек в комнатах отдельно от основной массы лагерников, им позволялось иметь денщиков. Рацион питания был вполне удовлетворительным, так же как и медицинское обслуживание. Заключённые могли отправлять письма на родину, и прекращение их переписки с родственниками и близкими в Польше позволяло датировать Катыньскую трагедию приблизительно концом апреля 1940 г.⁹ Второй лагерь для польских старших и младших офицеров располагался в районе Старобельска в бывшем женском монастыре и подчинялся НКВД тогдашней Ворошиловградской (Луганской, ныне Харьковской) области. Здесь было размещено 3,9 тыс. польских военнопленных (в том числе 8 генералов, 57 полковников, 130 подполковников и других, меньших по званию чинов¹⁰). Условия в этом лагере были несколько хуже по сравнению с лагерем в Козельске, но тоже вполне терпимыми. Над пленными никто не издевался, никто их регулярно не избивал, никто не заставлял их бесчисленное число раз падать лицом в грязь на «прогулках», а затем лишать помывки на целый месяц, никто не лишал их медицинской помощи, как это было с красноармейцами в польских лагерях в 20-е годы XX в.

Даже в расположенном на территории бывшего монастыря Нилова пустынь (остров Столбный на озере Селигер) Осташковском лагере, где было размещено около 6 тыс. польских младших офицеров армии, полиции и жандармерии, а также охранники тюрем и рядовые¹¹ и условия проживания были наихудшими, всё обстояло не так уж плохо. Судя по собственным свидетельствам поляков,

«административный персонал, в особенности врачи и санитарки, относились к заключённым по-человечески»¹².

Далее мы не станем углубляться в детали того, с каким трудом прокладывала себе дорогу истина об ужасной Катынской трагедии, о бесконечных отпирательствах советской стороны, продолжавшей обвинять во всём немцев на протяжении почти полувека. Мотивы этих отпирательств достаточно многочисленны и разнообразны для того, чтобы здесь их освещать. Отметим только, что главными из них вначале были нежелание омрачать отношения с союзниками во время Второй мировой войны, затем — подрывать «братские связи с дружественной Польшей, движущейся по пути строительства социализма», а впоследствии — попытки реабилитации имени Сталина, исподволь предпринимающиеся, к сожалению, и поныне. В нашем случае более важен тот факт, что Россия официально признала виновность СССР в расстреле польских офицеров в Катыни. Отрицать факт катынского расстрела после 13 апреля 1990 г., когда президент СССР М. С. Горбачёв передал тогдашнему президенту Республики Польша В. Ярузельскому полный перечень фамилий поляков, вывезенных из Козельска, Осташкова и Старобельска к месту казни, просто бессмысленно¹³. Через полтора года, 14 октября 1992 г., российская сторона передала Польше новый пакет документов и «особую папку», хранившуюся в архиве ЦК КПСС много десятилетий. В ней содержались сведения особой важности под грифом «Сверхсекретно»: выписка из протокола № 13 от 5 марта 1940 г., составленная на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), с росчерками И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова. Этими росчерками вожди СССР одобрили «рассмотрение в особом порядке» дел 14 700 бывших офицеров польской армии и других военнослужащих, т. е. вынесли приговор «расстрел» по предложению НКВД. Недавно российское правительство передало Польше новый многотомный пакет документов, связанных с гибелью поляков в СССР, в которых наверняка содержится много новых рассекреченных данных, способных пролить дополнительный свет на рассматриваемую нами тему.

Но суть уже не подлежит сомнению: польских офицеров расстреляли не гитлеровцы, а палачи сталинско-бериевского НКВД. Остаётся ответить на вопрос, что заставило Сталина, Молотова и Ворошилова отдать такое чудовищное распоряжение. Здесь имеются несколько версий.

Первая версия, поддерживаемая польскими радикалами и русофобами: *сталинский геноцид польского народа*. Особо при этом акцентируется внимание на факте, что среди казнённых узников трёх лагерей находилось более 400 врачей, несколько сот инженеров, более 20 преподавателей вузов и много учителей. Кроме того, расстреляно было 11 генералов и 1 адмирал, 77 полковников и 197 подполковников, 541 майор, 1 441 капитан, 6 061 других младших офицеров и подофицеров, а также 18 капелланов¹⁴. Таким образом, делают вывод сторонники этой версии, русские уничтожили польскую военную и гражданскую элиту.

Однако эта точка зрения является несостоятельной, поскольку геноцид обычно распространяется на весь народ, а не только на какую-то часть его социальной верхушки. В августе 1941 г. польских лётчиков и моряков переправили в Англию.

В конце октября 1941 г. на территории СССР начал формироваться польский контингент, имевший численность 41,5 тыс. человек и увеличившийся к марту 1942 г. почти до 74 тыс. человек. Польское эмиграционное правительство в Лондоне предлагало довести численность польского корпуса до 96 тыс. человек¹⁵. Во главе этой, по сути дела, армии был поставлен поляк, генерал Владислав Андерс — воспитанник Петербургского Пажеского корпуса, служивший в русской царской армии в Первую мировую войну. Однако советское командование не спешило давать полякам оружие. Владислав Андерс попал в плен к красноармейцам под Новогрудком, где оказывал ожесточённое сопротивление немцам и русским. Длительное время он находился в тюрьме НКВД и как мог себя повести в дальнейшем, получив под командование на территории СССР почти сотысячную польскую армию, было не совсем ясно. Поэтому армия генерала Андерса к 1 сентября 1942 г. была эвакуирована в Иран, откуда была переправлена в Африку для борьбы с англичанами против немцев.

Версия вторая: *расстрел польских офицеров есть мсть русских* за разгром под Варшавой и нечеловеческое отношение к пленным красноармейцам в польских лагерях. Похоже, именно такую версию обозначил польский полковник Зигмунд Берлинг, который отказался идти с Андерсом в Иран и возглавил польских солдат и офицеров, оставшихся в СССР. Позднее он писал в своём дневнике следующее: «...безнадёжное, глупое сопротивление и непримиримо враждебное отношение к СССР, имеющее свои истоки в прошлом ... станут в будущем непосредственными причинами решения советских властей, приведшего к страшной (Катынской) трагедии»¹⁶. О раздражении и чувстве мстительности русских по отношению к полякам, казалось бы, говорит и следующий факт. В сентябре 1939 г. заместитель Народного Комиссара Иностранных дел В. П. Потёмкин вручил в Москве польскому послу Вацлаву Гжибовскому оскорбительную ноту с уведомлением о прекращении существования польского государства как такового¹⁷. Озлобленность Сталина и его окружения, вероятно, вызвали и данные советской разведки о формировании немцами в оккупированной Польше отдельной бригады Подгальских стрелков для отправки их в Финляндию и участия в войне против Красной армии. Приказ о формировании польской бригады появился 9 февраля 1940 г., и лишь заключённое 13 марта того же года перемирие между СССР и Финляндией сорвало эти планы¹⁸. Напомним, что распоряжение большой тройки о расстреле польских офицеров датируется 5 мартом 1940 г. Вряд ли эта близкая хронологическая последовательность упомянутых нами событий имела случайный характер.

Третья версия, которую мы хотели бы предложить: *тоталитарно-классовая «санация»*. Казнь польских офицеров в Катынском лесу, во внутренней тюрьме Харьковского НКВД и других местах была элементарной «чисткой», характерной для тоталитарных государств того времени. Несмотря на то что предыдущая версия кажется очень правдоподобной и эмоции при подписании «большой красной тройкой» расстрельных приказов для поляков могли сыграть некоторую роль, они отнюдь не были главной его причиной. В качестве основного кредо большевистского тоталитаризма провозглашался постулат «идея есть всё, а человек — ничто».

В соответствии с ним многомиллионная людская масса есть всего лишь строительный материал, значительная часть которого неизбежно должна пойти в отход. После октябрьского переворота 1917 г., во время гражданской войны в России, большевики во главе с Лениным с невероятной жестокостью истребили 100 тыс. православных священников, расстреляли 54 тыс. офицеров, 6 тыс. учителей, почти 9 тыс. врачей, около 200 тыс. рабочих и свыше 815 тыс. крестьян¹⁹. В 30-е годы XX в. при Сталине ужасное «Красное колесо» террора снова покатило по советским городам и сёлам, размазывая миллионы людей, словно ненужных, мешающих движению вперёд насекомых. Краешек этого страшного «Красного колеса» прошёл в 1940 г. и по полякам, попавшим в сферу его досягаемости.

Расстрел польских офицеров в Катынском лесу нельзя расценивать как мелкую месть за красноармейцев, погибших в польском плену. Большевики относились к ним как к отхожему материалу, необходимому для строительства мировой диктатуры пролетариата. Этот расстрел имел заведомо классовый характер и представлял собой превентивную классовую «санацию» для грядущего беспрепятственного строительства социализма в Народной Польше. Сталин и его окружение не сомневались, что Красная Армия одержит быструю победу над фашистской Германией. СССР превосходил Германию по количеству вооружений и людским ресурсам. Положение о том, что Красная армия будет воевать малыми силами и бить врага на чужой территории фигурировали в её воинском уставе. И Польша, конечно же, после победы СССР должна была одной из первой влиться в будущее Мировое Коммунистическое Сообщество. Действительность Второй мировой войны опрокинула сладкие сталинские грёзы. Победа над фашизмом была одержана, но ценой моря крови и жизней десятков миллионов советских людей.

Возвращаясь к нравственным урокам Катыни, прежде всего необходимо отдать дань памяти всем полякам, невинно там и в других местах убиенных. Этот факт является одним из самых трагичных в истории русско-польских отношений. Но «русских» ли? К сожалению, многие вслед за польскими русофобами начинают повторять пускаемые ими в ход искусственные оппозиции: «Польша и Россия», «польско-русская война 1918–1921 гг.», «поляки и русские». В этих оппозициях национальный момент не имеет права на существование: не «Польша и Россия», а «Польша и Советская Россия», не «польско-русская война», а «польско-советская война». То же самое относится и к расстрелу в Катыни, где оппозиция «поляки-русские» не должна иметь место (она возникает в сознании поляков и невольно, поскольку польское слово «rosjanin» (россиянин) совпадает со значением нашего слова «русский»). У большевистского тоталитаризма, в отличие от германского фашизма, не было национального характера. Строительство гигантского карательного «Красного колеса» было интернациональным. В нём приняли участие родоначальник «красного терроризма», непонятно кем являвшийся по национальности Ленин, эдакая шведско-еврейско-калмыцко-русская особь (см. публикацию о национальных корнях Ленина в «Огоньке» времён В. Коротича). Во всяком случае он не ощущал себя русским, ибо невозможно представить, чтобы атеисты еврей, татарин или башкир были способны отдать секретный приказ об уничтожении 100 тыс.

раввинов или муэдзинов, разумеется, если он не сумасшедший или патологический убийца-маньяк. Дело Ленина продолжили и умножили грузины Сталин и Берия, при которых счёт убитых и замученных пошёл на миллионы. Отменно проявили себя на этом поприще также глава ВЧК и зам. председателя ВЧК поляки Ф. Э. Держинский и И. С. Уншлихт²⁰, не отставали от них евреи Л. Троцкий и Я. Свердлов, латыши М. И. Лацис и П. Я. Петерс. Известная тройка русских палачей Н. И. Ежов, В. С. Абакумов и В. Н. Меркулов по сравнению с предыдущими фигурантами — лишь жалкие их последователи. Не следует забывать и тот факт, что самые многочисленные потери от «Красного колеса» понесли именно русские. По соседству с восемью катыньскими рвами, где покоятся останки 4 200 польских офицеров, находятся массовые захоронения казнённых бериевскими палачами русских, украинцев и евреев. Поэтому у польских русофобов нет реальных аргументов для обвинения именно русских в геноциде поляков или полонофобии. Полякам и русским лучше было бы побороться за строительство величественного мемориального комплекса в Москве, посвящённого миллионам людей и целым народам, пострадавшим от большевистского тоталитаризма.

¹ Статья написана на основе доклада автора в мае 2010 г. в Москве на Международной конференции «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе».

² Калиганов И. И. Россия и славяне сегодня и завтра (польские и чешские ракурсы) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы солидарности. М., 2008. С. 75–76.

³ Семиряга М. И. 17 сентября 1939 года // Советское славяноведение. М., 1990. № 5. С. 7, 9.

⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 65.

⁵ О внешней политике Советского Союза // Большевик. 1939. № 20. С. 5.

⁶ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 15.

⁷ Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков. Судьба интернированных польских военнослужащих / сост. и общ. ред. О. В. Яснова. М., 1991. С. 21–22.

⁸ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 435; *Ежевский Л.* Катынь, 1940. Рига, 1990. С. 11.

⁹ *Ежевский Л.* Катынь, 1940. С. 18.

¹⁰ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 437.

¹¹ Там же. С. 436.

¹² Zbrodnia Katyńska w świetle dokumentów. L., 1962. S. 15–16; Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 521.

¹³ Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков. С. 16. Места захоронения всех расстрелянных польских офицеров до сих пор не установлены. Что же касается Катыни, то трагедия произошла близ Смоленска в Козьих Горах (по другой огласовке «Косогорах», см.: *Ежевский Л.* Указ. соч. С. 16) в катыньском лесу, некогда принадлежавшем польским помещикам, а затем перешедшем в ведение НКВД, после чего он был обнесён колючей проволокой и сделан недоступным для посторонних лиц. Помимо упомянутых трёх лагерей, польские военнопленные содержались в Путивльском, Козельщанском (в Полтавской области), Южском, Юхновском, Вологодском (Заоникеевском), Грязовецком и Оранском

лагерях. Кроме того, свыше 76 тыс. беженцев и перебежчиков из Польши были размещены в Красноярском и Алтайском краях, Архангельской, Вологодской, Горьковской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской и Якутской областях, а также в Коми АССР. Подавляющее их большинство остались живы и по окончании войны вернулись домой (см.: *Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы.* М., 2001. С. 41).

¹⁴ Там же. С. 25; *Катынь. Пленники необъявленной войны.* С. 521.

¹⁵ *Парсаданова В. С.* К истории интернированных в СССР солдат и офицеров Войска Польского // *Советское славяноведение.* М., 1990. № 5. С. 25.

¹⁶ *Berling Z.* Wspomnienia. Warszawa, 1990. T. 1. Z Jargów do Andersa. S. 32.

¹⁷ *Семиряга М. И.* 17 сентября 1939 года С. 3; *Катынь. Пленники необъявленной войны.* С. 12.

¹⁸ *Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков.* С. 31.

¹⁹ *Калиганов И. И.* Большевистская Россия в болгарской маргинальной литературе 20–40-х годов XX в. // *Болгария и Россия (XVIII–XX вв.). Взаимопознание.* М., 2010. С. 107.

²⁰ Интернациональный характер командного состава работников НКВД хорошо прослеживается на истории строительства Беломорско-Балтийского канала, построенного руками заключённых. См.: *Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг.* / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1998. (Перепечатка издания 1934 г.). С. 72, 157, 175, 184, 325, 340, 358, 373 и др.